

Ватикан в атлантическом упадке

(начало на стр. 1)

Сделаем четыре замечания. Во-первых, выражение “конец константиновской эпохи” отсылает к окончанию более чем тысячелетнего цикла; оно имеет стратегический смысл как конец центральной роли Европы, но одновременно указывает на глубокие социальные сдвиги, поскольку речь идёт о прохождении через три способа производства – рабовладельческий, феодальный и капиталистический – которое привело к буржуазному девятнадцатому веку и двадцатому веку империализма. Только за последнее тысячелетие церковь прошла путь от феодального землевладельца, звоном колоколов задававшего ритм жизни всему социальному организму, путь от системы рекрутирования в крестьянском обществе, когда в семинарию шёл седьмой или восьмой сын, непригодный к физическому труду на земле, – к обществу *поздней империалистической зрелости*, где в семьях зачастую только один ребёнок, где преобладает *массовый индивидуализм* и «великая зевота» благополучия, утратившего ориентиры, – если воспользоваться выражением Каспера.

Во-вторых, с какими бы трудностями церковь ни столкнулась перед лицом этих вековых и даже тысячелетних перемен, нет другой организации господствующего класса, которая могла бы хотя бы отдалённо претендовать на звание «эксперта в человечестве» – по формуле папы Монтини. Её всемирная плюралистическая структура одновременно ставит её перед лицом всех тех разнообразных ступеней развития, с которыми она имела дело в XIX–XX веках в Европе: от разложения крестьянства до мегаполисов глобального Юга; от “Opera dei Congressi”, католических обществ взаимопомощи и *белых кооперативов* – до “*третьего пути*” *государственного капитализма* и *цикла империалистического либеризма*, а сегодня – до страхов и обид *поздней империалистической зрелости*.

Умение действовать и содействовать на этих разных стадиях развития является частью того, что они могут предложить правящему классу в сфере политики. Социальная доктрина церкви, от “Regum Novarum” до “Centesimus Annus”, служит этой двойной цели, адаптируясь к изменениям и предлагая себя в качестве силы, способной управлять этими изменениями. Предлагая себя в виде католической церкви множеству государств – с некоторыми из которых у неё есть даже органические отношения, закреплённые в соглашениях, – а также располагая собственным наднациональным центром в форме территориального государства Ватикан, церковь по самой своей природе является одновременно субъектом и объектом международной политики держав. В приложении мы воспроизводим главы из текста “Исторический вопрос итальянского единства”, где прослеживается основополагающий момент роли папского государства в итальянском и европейском балансе сил с конца XV и в XVI веке. В XIX веке буржуазии и в XX веке империализма церковь и Ватикан перешли от отношений с системой государств европейского Запада – позднее расширенного за счёт Соединённых Штатов, – от *европейского концерта* с его колониальными ответвлениями – к *империалистической мировой войне* или даже *европейской гражданской войне*, с саморазрушением Старого континента, потом – к Ялтинскому разделу, где папство выступило оплотом атлантизма, затем – к всемирному и множественному укоренению, инициированному Вторым Ватиканским собором с его *католическим тьермондизмом*, и сегодня – к *церкви многополярности*.

Два измерения – социальные изменения и международная политика – переплетаются; интерпретируя эти изменения, церковь становится собеседницей мировых держав. Хотя это и сопровождалось в XIX–XX веках болезненной адаптацией к капиталистической современности и трансформациям эпохи империализма в Европе – а затем, в середине XX века – с Вторым Ватиканским собором – переосмыслением этих процессов на глобальном уровне, можно сказать, что именно в этом заключается их концепция стратегии как *движения классов и государств*.

Сегодня эта концепция сталкивается с *кризисом порядка*: утверждение многополярности с ростом влияния новых держав, прежде всего Китая, сопровождается *атлантическим упадком* и утратой США их прежней роли опоры старого порядка. Концепция *многополярной церкви*, утвердившаяся при Бергольо, должна быть *уравновешена* с учётом того, что усиление Китая и глобального Юга сопряжено с кризисом американского центра. Противостояние этому кризису очерчивает перспективу Льва XIV – папы многополярности с

одной стороны и *“Августина”, американского папы* – с другой. В Ватикане могут считать, что на фоне всех рисков и неожиданностей упадка – как это видно на примере *войн по выбору*, вдохновлённых духом протестантского мессианства, – даже США необходим свой *“полевой госпиталь”*, о котором говорил Бергольо. Церковь может помочь избежать катастрофических потрясений для Америки и для мирового порядка. Это находит соответствие в тех политических линиях, в которых Европе отводится роль сдерживания американских колебаний – от формулы *трансатлантической взаимности* до инициативы *европеизации НАТО*.

Третье наблюдение касается итога сорокалетних размышлений, собранных в этой книге. В Италии конец христианской демократии как общего представителя католиков был связан с особой динамикой в *“кризисе взяточграда”*¹, и был в меньшей степени результатом внутренних церковных разногласий, чем это казалось тогда. После рубежа 1989–1991 годов линия на *католическую ренационализацию* и *национальный европеизм* имела разное значение в зависимости от ситуации. В условиях напряжённости между налоговым бунтом на Севере и политическим нарушением равновесия в Риме показательным эпизодом стала *«Молитва за Италию»* Кароля Войтылы; она должна была противостоять сепаратистским угрозам Лиги, которые на какое-то время казались реальными. В Восточной Европе после распада СССР открылся совершенно новый политический цикл: казалось, что у Ватикана есть люди, способные воспроизвести западный опыт популярных христианско-демократических партий; в действительности же появившиеся *национально-католические* формулы оказались в гораздо более резком противоречии с *евро-ватиканской* стратегией Святого Престола.

Именно длительный понтификат Войтылы в период его расцвета показал, что ему удалось переломить тенденцию снижения числа священнических рукоположений в Европе и фактически преодолеть постсоборный кризис 1970-х годов. Это называли *«контртенденцией»* на фоне проблем с рекрутированием священников в секуляризованной современности Запада. Основываясь на этих результатах, в 2006 году мы отметили *«международное измерение»* линии Руини, поскольку показатели рекрутирования в Италии оказались *«вдвое эффективнее, чем в Испании, и в четыре раза эффективнее, чем во Франции»*.

Мы уже обновляли эти оценки в 2013 году, когда отречение Ратцингера стало символом новой фазы глубокого организационного кризиса в церкви. Можно было подсчитать, что мобилизация в годы понтификата польского папы повысила уровень рекрутирования в Европе примерно на 20 %. За десятилетие эрозии и кризиса, отмеченное скандалами о сексуальных злоупотреблениях, которые наносили удар именно по важнейшему аспекту молодёжной активности, этот показатель откатился на 25 %. Сегодня отставание можно оценить в 50 %. По оценкам, в рамках Всемирных дней молодёжи – в 1997 году в Париже на Марсовом поле и в 2000 году в Риме на эспланаде Тор Вергата – церковь мобилизовала до 1 % молодёжи Европы. В пересчёте на годовые показатели, примерно один из десяти молодых участников становился священником; на соответствующую возрастную группу это давало уровень рукоположений епархиальных и религиозных священников порядка *одного на тысячу*; сегодня эта цифра сократилась вдвое – до *0,5 на тысячу*.

Андреа Риккарди в книге *“Церковь пылает”* пишет, что интерпретация понтификата Иоанна Павла II остаётся открытой: она колеблется между противоположными тезисами о *«временном отклонении»* и о *«незавершённой реформе»*; по мнению критиков, Войтыла со своей харизмой скорее *«покрывал кризис»*, чем устранял его причины. Однако Риккарди отмечает, что для польского папы *«дух кризиса» сам был источником кризиса*: и именно в восстановлении уровня рекрутирования на *одну пятую* можно увидеть, насколько сильно субъективная роль мобилизации и *моральный фактор* могут повлиять на организационный результат.

Как бы то ни было, но статистика рекрутирования показывает, что в 1969 году более *трёх четвертей* рукоположений было совершено в Европе и Северной Америке. Сегодня церкви Запада обеспечивают лишь около *одной четверти*, тогда как треть приходится на Африку и по одной пятой – на Азию и Латинскую Америку. По прошествии двух поколений это, безусловно, результат Собора, и это будущее *многополярной церкви*, которую олицетворяет Бергольо. Что касается аппарата в Европе и *творческого меньшинства* кардинала Каспера,

то через два поколения число священников сократится с 155 тысяч до 60–70 тысяч. С учётом вклада женских орденов можно предположить, что численность католических функционеров составит около 150 тысяч. Несмотря на сокращение более чем вдвое, католическое *организованное меньшинство* не будет иметь себе равных.

Наконец, в-четвёртых, необходимо осмыслить тезис о *конце константиновской эпохи* в связи с двумя империалистическими мировыми войнами. Кардинал Каспер слишком легко возлагает ответственность за них только на идеологию XX века. Эти войны были продуктом динамики *единства и раскола* империализма, и именно идеологии и политические организации правящего класса стали его инструментом, включая церковь. Если и был момент, когда *симбиоз церкви и государства* был выражен в наивысшей степени, то именно в империалистической *тотальной войне*: мы подсчитали, что в 1914–1918 годах католическая церковь предоставила 10 тысяч военных капелланов на оба фронта войны, в то время как по меньшей мере 80 тысяч священников были призваны в армию, что составляет 40 % от 200 тысяч священников, имевшихся в распоряжении католической церкви среди воюющих сторон. Сопоставимые цифры относятся и ко второй мировой войне.

Принципиальное значение имеет тот факт, что разделение ролей – при котором местные церкви сопровождают *раскол* империалистического конфликта, участвуя в мобилизации на войну, а римский центр воплощает *единство* и готовит к послевоенному примирению – не только не отрицается, но и предлагается в качестве сознательной стратегии господствующим классам. Как можно убедиться, листовка *La Civiltà Cattolica*, именно исторический опыт 1914–1918 годов приводится в качестве гарантии для “*патриотической церкви*” в Китае; общение с Римом не будет препятствием для национальной мобилизации верующих в Китае.

Конечно, Ватикан попытается предотвратить появление *Американской патриотической церкви*, которую уже можно разглядеть за тем влиянием, которое Трамп оказывает на католицизм США. Но прежде всего он верит, что сможет каким-то образом *предотвратить раскол* между угасающим Западом и восходящей Азией. Но в конце концов американскому империализму будет предложена та же лояльность к нации, что и европейскому, где евро-ватиканская стратегия и поддержка укрепления Евросоюза остаются ключевыми опорами даже для *многополярной церкви*.

Эпоха, когда католическая церковь была *капелланом Запада*, возможно, подошла к концу, как предполагает тезис о *конце константиновской эпохи*. Но то, что предвосхищает войны XX века, так это органическая связь с *системой государств* империализма в целом, в его диалектике *единства и раскола*: капелланы всех и вся. Здесь кроется неустранимое различие с коммунистическим интернационализмом.

Июнь 2025 г.

Епархиальные рукоположения по странам и географическим районам

	1969	%	1978	%	1998	%	2005	%	2013	%	2023	%
Конго Заир	24		22		173		141		206		190	
Нигерия	19		79		195		278		376		385	
Кения					55		51		79		171	
АФРИКА	176	3,4	288	7,5	1.071	16,4	1.205	18,5	1.608	24,6	1.805	32,1
Канада	117		62		46		49		35		27	
США	909		635		376		374		431		342	
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	1.026	19,9	697	18,2	422	6,5	423	6,5	466	7,1	369	6,6
Мексика	158		215		432		382		357		297	
Аргентина	26		45		129		99		101		58	
Бразилия	64		123		398		546		477		424	
Колумбия	67		64		227		224		219		126	
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	425	8,2	541	14,1	1.558	23,9	1.638	25,1	1.632	25,0	1.252	22,3
Юж. Корея	38		15		125		127		111		75	
Филиппины	95		133		204		205		151		181	
Индия	273		265		155		533		489		387	
Индонезия	7		12		83		65		99		84	
Вьетнам	70		-		81		147		164		287	
АЗИЯ	564	10,9	504	13,2	1.082	16,6	1.227	18,8	1.175	18,0	1.157	20,6
Франция	349		114		115		97		90		48	

Германия	360	164	170	120	98	34						
Великобритания	119	101	96	41	56	24						
Италия	740	431	485	443	376	279						
Польша	277	405	603	569	416	201						
Испания	463	169	242	203	124	81						
ЕВРОПА	2.877	55,8	1.744	45,6	2.363	36,2	1.979	30,4	1.587	24,3	995	17,7
ОКЕАНИЯ	88	1,7	50	1,3	36	0,6	46	0,7	73	1,1	43	0,8
ИТОГО	5.156	100	3.824	100	6.532	100	6.518	100	6.541	100	5.621	100

Источник: наш анализ на основе данных "Annuario statisticum Ecclesiae".

¹ - ит. Tangentopoli - кризис 1992-1993 гг. в итальянской политике в связи с антикоррупционными расследованиями скандалами.